

«С НОВА паранаука, — скажет читатель. — Сколько можно писать об этом? Нужна ли еще одна статья?»

Мы полагаем, пока не все ясно с «экстрасенсами», «летающими тарелками» и прочими «феноменами», пока у людей существуют вопросы, касающиеся этих волнующих материй, — до тех пор и надо писать, разъяснять, что известно науке и чего многие почему-то не знают или не хотят знать.

Но не это главная цель публикуемой ниже статьи, не разъяснение каких-то азбучных истин. «Паранаучный

бум», поднятый на Западе и отголосками отрывающийся у нас, преследует не какие-то просветительские или научные цели: материалистическому толкованию явлений природы стремятся противопоставить толкование идеалистическое; материалистическое мировоззрение пытаются «размыть», разбавить мистикой. Именно в этом мы видим главную опасность «экстрасенсорного бума», именно поэтому уделяем ему, может быть, несколько больше внимания, нежели того требует тема сама по себе.

Среди последних публикаций «Литературной газеты», посвященных

«паранауке», можно назвать статьи А. Удальцова «Аномальные явления» (6 марта 1985 г.), И. Гамаюнова «Странники» (15 мая 1985 г.), А. Гангнуса «Плоды просвещения, или Власть тьмы» (28 августа 1985 г.), В. Рослякова «Труба зовет» и П. Гуревича «Так ли сладок запретный плод?» (25 декабря 1985 г.).

Формирование научного мировоззрения, борьба с проявлениями чуждой идеологии была и остается одной из центральных задач коммунистического воспитания. Она вновь со всей остротой выдвигается в проекте новой редакции Программы КПСС.

Александр ГАНГНУС

«22 НОЯБРЯ, — рассказывает в своем письме А. Мамчи из Киева, — я наблюдал так называемые «летающие тарелки». Сначала они были размером с крупную звезду. Объекты согласно двигались, увеличивались в размерах, а затем зависли. (Стоял очень густой туман. Перед появлением объектов мы не видели огней домов на расстоянии 300—400 метров.) Через несколько секунд после зависания все три объекта включили по прожектору...»

В тот же вечер в программе «Время» показали снимок из космоса. Шло формирование урагана. Киев оказался в зоне стоячей волны, 23 ноября передали, что по Украине прошли сильные ветры, а в Западной Европе — ураган. Вскоре я нашёл три источника света, которые мы видели через границу раздела плотностей, — эффект призмы. Итак, это был классический мираж».

Спасибо А. Мамчи за его хладнокровие и спокойную пылкость ума. Может быть, не все он сформулировал терминологически безукоризненно с точки зрения физики атмосферы. Но в целом — побольше бы таких наблюдателей. Миражи — появляющиеся на горизонте и совсем близко острова и озера, оазисы в пустыне, караваны верблюдов и корабли в небе, иногда видимые за сотни километров, — всегда потрясали, казались чудом и, уж конечно, поучаствовали в появлении многих мифов и сказок мира. Но в новейшие времена и объекты миражей иные, и больше их. Фонари, огни самолетов, машин, шары-зонды... И если наблюдатель не обладает стойкостью А. Мамчи, то жди сенсации.

Среди откликов на мою статью «Плоды просвещения, или Власть тьмы» («ЛГ», 28 августа 1985 г.) мало писем, полностью солидарных с нею, и столь же мало откровенно несогласных. Основной пакет — от тех, кто согласен посмеяться вместе с газетой над одними шаманскими пунктами, но насчет других выражает сомнение, недоумение, несогласие. Скажем, вызывание духов с помощью блюдечка — это смешно, а вот над биополем смеяться грех. Кое-кто предлагает компромисс: готовы признать, что произошли от обезьяны, но взамен требуют согласия с тем, что пришельцы на Земле были и направляли мудро эволюцию и цивилизацию куда надо. Некоторые просят оставить их хотя бы Бермудский треугольник, Атлантиду, хиромантию и пр. Некоторые пытаются объяснить, понять, кто виноват, откуда идет это новейшее поветрие старого нудуга.

Типично читательское недоумение такого рода: есть же суеверия, а есть «держателющая наука», которая «ищет незнание» — биополе, телепатию. Зачем смешивать? За группу московских математиков, использующих ЭВМ, чтобы доказать, что античности не было, вступился один доцент, тоже не историк (просил не называть имя). Аргумент: ведь это же неподкупная ЭВМ, а математики очень талантливы. Профессор Н. Виленкин, сам математик, подкашивает, что в распространении «паранауки» часто повинны довольно известные ученые, обладающие авторитетом и привыкшие выражаться веско, научно по форме.

Виноваты и те, кто должен служить цементом, связующим веществом для науки в целом, — ученые и историки науки, философы. Они кое-что делают, но для кого? Выработали свой жаргон, почти каждый норовит высказаться поученей, а значит, и поучительней (иначе несолидно), поне- понятней. Что же это за переводчики, которых самих надо переводить? Виноваты, конечно, и те популяризаторы, которые идут к сердцу читателя самым примитивным путем, щечка его сенсациями, приучая его ждать от науки их, и только их. А сенсаций не хватает — и вот снова и снова идут в дело сенсации «хорошо проверенные», старые, но вечно живые (именно из-за своей отключенности от процесса подлинной науки), «сенсации» паранауки.

Паранаука — это мостики через пропасть, отделяющую науку от антинауки, то есть суеверия. По форме это наука, по сути — белиберда, щебет для нервов, бормотуха для обрывочного научного мировоззрения.

Могут возразить (и есть такое в письмах): но ведь же, когда лженаукой объявляли кибернетику, генетику, научное растениеводство, а в результате торжествовала именно мистика: желуды кучкой высевались в солончак, и это должно было без ухода и полива спасти ростки от безводья и соли — мол, в группе царит взаимопомощь. Дорого обходившаяся «научная» — антидарвинистская, кстати, — мистика. Именно поэтому я предостерегал в своей статье и от шаманства наизнанку — шаманства от науки. Пункт, тоже вызвавший недоумение некоторых читателей. Да, профессиональное высокомерие некоторых специалистов, даже и оперирующих формальным понятием материалистического мировоззрения, кичащихся борьбой за чистоту храма науки от идеализма, легко может обратиться в свою противоположность, если не имеет в основе глубокого знания, глубокой и широчайшей культуры. «Умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм», — так об этом говорил В. И. Ленин. Продолжим эту мысль: глупый материализм ближе к глупому идеализму (суеверию), чем к умному, настоящему материализму.

ТУТ НАМЕЧАЕТСЯ связь всей проблемы с тем вопросом, который много лет не сходит со страниц «Литературки», с вопросом о подготовке специалистов. Считается, что чем уже, направленней (и, значит, ограниченной) специалист, тем лучше для народного хозяйства, а значит, и для специалиста, и для всех. Помоему, путь этот — устаревший прежде всего именно с точки зрения народного хозяйства.

При нынешних темпах научно-технического прогресса любая узкая научно-техническая специализация устаревает за время, соизмеримое со сроком обучения. Истинная цель высшего образования — расширение культуры, получение студентом навыка самостоятельной работы, умение привлекать для решения задач материал из любой сферы человеческой деятельности. Научное мировоззрение неизмеримо прочнее в человеке широкой культуры, чем в человеке-флюсе. Когда образование становится более гуманистическим, оно лучше удовлетворяет жажду гармонии, присущую человеку.

На эту тему есть письмо. Читательница Юлия Архангельская из Москвы пишет: «Вместо того, чтобы высмеивать все подряд, не лучше ли было бы задуматься, почему люди ищут в этом направлении? Да потому, что жизнь — не только социальное явление... Люди стремятся, пусть порой неумело, к чему-то более значительному, вечному, чем то, что они видят в повседневности».

Прерву цитату, чтобы заявить: в ней есть рациональное зерно. Человеческая жизнь — явление и биологическое, и социальное, и культурное. Наука одновременно — и непосредственная производительная сила, и неотъемлемая часть культуры. Эта, вторая, ипостась науки ошеломляюще сложна и интересна. Ее с лихвой хватило бы, чтобы утолить духовную жажду человека. Но эта, вторая, ипостась нередко как бы отвернута от тех, кому она нужнее всего. Чиновность, ремесленность съедают духовную сторону науки, отчего ее производительная сторона ничего не выигрывает. Яркие лекторы, сенсационные лекции, становящиеся событием в духовной жизни университета, бурные собрания в клубах инженеров, которые не менее писателей, по идее, достойны своего творческого союза и престиж которых предстоит поднимать, где все это?

И вот жаждущие, вместо чистой воды знания, просвещения, истины, припадают к случайным струйкам псевдознания, псевдокультуры, паранауки, суеверия. Да еще причуются кривить душой, ибо чаще всего чувствуют, что делают что-то не то.

Может быть, следовало упомянуть о шаманстве «из озерства». Прикус азиатской моды, как крестик поверх фирменной куртки. Систематики, биологи, биохимики, генетики, палеонтологи работают, созданы величественные музеи, проследжены нити эволюции, ведущие к нам, каждое звено дается с огромным трудом, и не все еще открыто. Это должно радовать: есть над чем поработать новым биологам и палеонтологам. А мы уж какие храбрые, чихаем на все это, «не желаем от обезьяны» — и все тут. И воспользуемся теми самыми отмеченными и не утраченными добросовестной наукой прорехами, тем более, что настоящая наука всегда идет вперед с боем, в полемике. Покажем пальцами и загогочем глумливо: вот видите, и не было никакой эволюции. А спроси, что ж было, — таинственно улыбнутся: понимать, мол, надо. А что понимать?

Но хватит поисков причин. Когда их много, вроде никто ни в чем не виноват.

КОЕ-ЧТО о «восточном» привкусе современного шаманства. Нынешнее увлечение «восточной» экзотической мистикой — простое повторение теософского спиритического бума конца прошлого века. Госпожа Е. Блаватская, писательница и авантюристка, в полумраке гостиных Лондона, Нью-Йорка и Мадраса получала с потолка пачками письма махатм из Шамбалы (диковинной страны, спрятанной будто бы где-то в Гималаях), «зачитывала» их, не распечатывая конвертов, и каждый раз оказывалось, что махатмы очень одобряют всякие материальные приношения в пользу теософского общества. К «левому флангу» теософов близко примыкал и Н. Рерих, который привез в Россию спустя сорок лет после скандального разоблачения трюков Блаватской тоже «письмо махатм». Талантливый художник и патриот был искренне уверен, что народ, идущий к лучшему будущему, не может жить без новой религии.

Так вот читательница Юлия Архангельская, стремясь к «значительному, вечному», запальчиво вступает за Шамбалу — «краеугольное понятие народов Востока». Это выражение и почти свою остальную запальчивость читательница целиком взяла из повести В. Сидорова «Семь дней в Гималаях», написанной в одном из «толстых» литературно-художественных журналов еще в 1982 году. Не одна Юлия опирается на эту публикацию. Ныне это главный «первоисточник», на который ссылаются в спорах современные шаманы, по рукам ходят ксероксные и машинописные копии этого журнального варианта. В недавно вышедшей в издательстве «Советский писатель» книжке В. Сидорова «Индийские сюжеты» все выглядит гораздо благообразней (поработал опытный редактор).

Автор «повести» поэт В. Сидоров с мягкой самоиронией пишет, что он «рехнулся» задолго до своей краткой поездки в Кулу, в дом Рерихов в предгорьях Гималаев. Прочел все, что мог, насчет «значительного, вечного». Мнение у него было вполне готовым и исколо в Индии лишь практического закрепления теоретически пройденного.

Опираюсь именно на записки Сидорова, некоторые читатели доказывают нам, что в Индии полно махатм, запросто и регулярно бывающих в Шамбале. Что их транспорт — летающие тарелки. Что махатмы навещали К. Маркса в Лондоне и В. Ленина в Швейцарии и действовали с ними в контакте, что Шамбала невидима, как град Китеж, ибо «используя тонкие и совершенные виды энергии, она в состоянии поставить вокруг своих границ невидимый, но непреодолимый заслон», что Шамбала — это «пункт своеобразной стыковки Земли с Космосом».

И многое другое, столь же интересное и доказательное. Сейчас лучше сосредоточиться на мировоззренческой, так сказать, основе всего этого. Прежде всего — цель. Вот она.

«Становится очевидным, — пишет В. Сидоров, — чтобы попасть в Шамбалу, нужно, наверное, чтоб она пожелала принять тебя».

Теперь — средство. Что нужно, чтобы Шамбала, эти «заземленные небеса», приняла исстрадавшегося в своей юдоли скорби землянина? Очень просто: отказать от многого земного, а паче всего — от «самого худшего вида гордыни» — гордыни интеллекта, от «духовного умирания», которое, по представлениям Махатм (I), является не чем иным, как духовным убожеством. Сидоров понимает: такой отказ труден. «Скорее скряга раздаст свое добро, нежели интеллект постыдится хотя бы частичей того хлама, который скопился в его мозгу». «Интеллект воинствен, нетерпим». Вот и получается, что человек становится рабом умственных представлений (ждете продолжения; представлений каких, о чем, какая наивность — вообще представлений, любых. — А. Г.), рабом пришедшей к нему (хотя бы по ошибке. — А. Г.) мысли. Точка, конец цитаты. Проверьте сами, если не верите.

Ново? Нет! Шаманство всегда проповедовало ненависть к науке, лъстя и апеллируя к невежеству.

Паразитическое сочетание этой ненависти с показными ссылками на «логику» (вот уж с чем шаман — об этом нам пишет учитель В. Кантер из Одессы — всегда не в ладах), на «ученых», на их «рабочие гипотезы», даже на «науку, которая еще должна сказать свое веское слово» по затронутым В. Сидоровым «проблемам». Или поэт говорит одно, а думает другое и считает возможным разум без мысли? Культуру без интеллекта? Науку без мозгов? И где наконец та кротость и терпимость, которой в противовес воинствующему интеллекту так кичатся новые (как кичились и старые) теософы?

В. Сидоров очень уж вольно, по-своему толкует или во всяком случае произвольно отбирает в определенном направлении воззрения буддистов, среди которых кого только нет. Кстати, у Рериха — цитату возьму из самого текста Сидорова — речь идет не о призыве к опрощению, не об отказе от интеллекта, от мысли во имя благоволения махатм и Шамбалы, а о чем-то в корне ином: «Культура забыта, и вместо нее кажет когти технократия» (то есть самодовольное невежество от техники и капитала). Это тоже характерно для теософов. Для своих целей они брали из обширного и противоречивого моря буддистской и индуистской мифологии и идеологии то, что им было нужно для весьма конкретных и не всегда кротких целей, а при случае переиначивали, как хотели. Сидоров упоминает, что Н. Рерих — инициатор Пакта об охране культурных памятников. И при этом назойливо и абсолютно голословно пытается истолковать ясное и недвусмысленное выражение «памятники культуры» как главным образом объекты живой и неживой природы! Опуская, что именно послужило толчком для Рериха: фашистское варварство, уничтожение культуры во время войны. Охрана природы — другая задача и другая эпоха, но что до этого теософу!

В общем, странно и стыдно все это (и многое другое, но то особый разговор) напечатанным читать. Странно, что член-корреспондент Е. П. Челышев — видимо, из уважения к приведенным в тексте представлениям индийских философов по вопросам морали и нравственности, действительно интересным, — предположил всей публикации в целом восторженное предисловие. Странно, что нашумевшая публикация не получила должного отпора (за исключением, пожалуй, статьи в журнале «Литературное обозрение»), как, впрочем, в свое время — безграмотный во всех смыслах (хотя и красивый по сьему кам) фильм Деникина аналогичной направленности. Многие приняли это молчание за знак согласия.

НЕ МОГУ утаить. Есть в почте одно «солидарное письмо», которое поначалу обескуражило. Автор А. из Пензы «ни во что не верит», но он не просто атеист и материалист, а богохульник («ругатель богов»), причем не просто ругатель, а и «матершинник». А что он проделывал когда-то с иконами в отчем доме — лучше не цитировать.

Следует ли радоваться такой поддержке? Вряд ли. Невежество — не союзник в борьбе с суеверием, а всегда в конечном счете его нынешняя или будущая надежная опора.

Только обскурант, оголтелый шаман может не любить культуру — самое человеческое из достижений человека. А чтобы любить, надо знать.

Многие шаманы считают или объявляют себя атеистами. (Буддизм — религия без бога, основанная на материализме, — возмущает абсолютную нелепицу В. Сидорова.)

— Не трогайте этих безобидных чудиков, — сказал мне один (весьма острый) публицист. — Кому мешают ваши шаманы? Природу спасать надо. Планету. Мир!

Не согласился. Духовная бормотуха не безобидна. Проникая в литературу, она изводит ее на уровень коридорных разговорок. Для ученого — пусть даже пал он не в своей области — это важный сигнал, говорящий о начале периода творческого бесплодия. Она необходима, неизбежно содержит в себе зародыш жгучей ненависти к разуму, культуре. Она — одновременно индикатор и причина духовного и нравственного инфантилизма взрослых людей, не желающих брать на себя Великую Ответственность за существование этого мира: мол, кто-то где-то есть, бдит и все за нас решит. Никто не решит. И не спасет. Природу. Планету. Мир. Только мы сами.